

Пограничье России и Китая позднеимперского периода в контексте пересмотра торгово-экономических отношений

Д. Г. Янченко

Для цитирования: Янченко Д. Г. Пограничье России и Китая позднеимперского периода в контексте пересмотра торгово-экономических отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 317–333. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.202>

В статье на основе анализа современной российской историографии, архивных материалов, сведений прессы характеризуется ряд проблем экономической политики в русско-китайской пограничной зоне с 1880–1890 гг. до кризисного в отношениях двух держав 1911 г. К этому времени поначалу незначительные торгово-экономические противоречия России и Китая приобрели характер противостояния, основанного на угрозе территориальной целостности Китая. Методы XIX в. оказывались все менее эффективными по мере становления экономики империи Цин на новые капиталистические рельсы. Материалы периодической печати, документы личного происхождения, поступавшие в правительственные канцелярии России, позволяют выявить закономерности общественной мысли рубежа XIX и XX вв., описывавшей восточное направление внутренней и внешней политики, охарактеризовать мнения регионального русского населения и администрации по торгово-экономическим вопросам. Международное положение России на протяжении всего изучаемого периода зачастую диктовало условия для построения модели торгово-экономических отношений с восточным соседом. Принципы Петербургского договора и торговых правил 1881 г. не выдержали испытания временем. Русское население в Восточном Туркестане, Монголии, а затем и в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги сталкивалось с многочисленными проблемами, связанными с правами собственности, незаконным отчуждением имущества, препятствиями в коммерции со стороны жителей и в особенности властей цинского Китая, видевших со стороны России угрозу подвластной территории и самому существованию династии Цин. Региональные российские власти, представители предпринимательских кругов и общественных объединений пытались по мере возможностей повлиять на решения Министерства финансов и Министерства

Денис Геннадьевич Янченко — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; d.yanchenko@spbu.ru

Denis G. Yanchenko — PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; d.yanchenko@spbu.ru

Исследование выполнено за счет средств проекта РНФ № 22-28-01267 «Частный капитал или государство? Общественная дискуссия о путях экономического развития России (вторая половина 1870-х — первая половина 1890-х гг.)».

The study was supported by the Russian Science Foundation project no. 22-28-01267 “Private capital or the state one? Public debate on the paths of Russia’s economic development (from the second half of the 1870s through the first half of the 1890s)”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

иностранных дел, подталкивая их к более решительным действиям. Проникновение в Маньчжурию, строительство русских поселков и городов на китайской земле, а затем поражение России в войне с Японией заставили власти двух стран искать новые подходы к решению торговых и экономических противоречий.

Ключевые слова: Петербургский договор 1881 г., Правила для сухопутной торговли 1881 г., Туркестан, Илийский край, Маньчжурия.

The Russian-Chinese Borderland in the Late Imperial Period in the Revision of Trade and Economic Relations

D. G. Yanchenko

For citation: Yanchenko D. G. The Russian-Chinese Borderland in the Late Imperial Period in the Revision of Trade and Economic Relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 317–333. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.202> (In Russian)

The article based on the analysis of modern Russian historiography, archival materials, and press information characterizes a number of problems of economic policy in the Russian-Chinese borderland from 1880–1890 until the crisis in relations between the two powers in 1911. The methods of the 19th century were becoming less and less effective as the economy of the Qing Empire was being put on new capitalist “tracks”. Materials of periodicals, documents of personal origin received by governmental chanceries of Russia allow to reveal patterns of social thought of the turn of the 19th–20th centuries, describing the eastern lines of internal and foreign policy. The article outlines the opinions of the involved Russian regional population and the administration on trade and economic relations. The principles of the Treaty of Saint Petersburg and trade rules of 1881 did not stand the test of time. The Russian population in Eastern Turkestan, Mongolia, and later in the alienation zone of the Chinese Eastern Railway faced numerous problems related to property rights, illegal expropriation, barriers to commerce from the residents and the Chinese Qing authorities who saw in Russia a threat to their territory and even to the existence of the Qing dynasty. Foreign invasion into Manchzhuria, the construction of Russian settlements and cities in Chinese land, and then Russia’s defeat in the war with Japan forced the authorities of the two powers to look for new approaches to resolving trade and economic conflicts.

Keywords: the Treaty of Saint Petersburg of 1881, Rules for overland trade of 1881, Turkestan, Iliisk territory, Manchzhuria, Chinese Eastern Railway, borderlands.

Русско-китайские отношения в рассматриваемый период прошли через ряд испытаний, связанных с проникновением иностранного капитала на территорию Китая, ослаблением империи Цин и участием России в гонке великих держав за новые территории и сферы влияния. Этапы этих отношений достаточно подробно были рассмотрены в работах российских востоковедов и не нуждаются в детальном описании¹. С ослаблением центральной власти в Китае в связи с Опиумными войнами, а затем с дунгано-уйгурским восстанием на периферии Цинской империи в 1864 г. появляются территории, чей статус оспаривается северным соседом — Россией.

¹ Мясников В. С. Кастальский ключ китаеведа: сочинения: в 7 т. Т. 3. М., 2014; Самойлов Н. А. От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М., 2013. С. 15–118; Старовойтова Е. О. 1881–1905 года в истории российско-китайских отношений // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 10–17.

Кульджинский договор 25 июля 1851 г.² закрепил беспошлинную торговлю, обеспечил появление русского консульства в Синьцзяне и контроль над китайским купечеством со стороны русской администрации. К концу царствования Александра II требования к Китаю со стороны Министерства финансов, в котором сосредотачивались дела о торговых договорах России с иностранными государствами, заключались: 1) в расширении прав русских подданных, занимавшихся обработкой чая и торговлей; 2) увеличении числа пунктов транспортировки российских товаров во Внутренний Китай; 3) независимо от свободной торговли в Монголии, предоставлении такой же льготы во всех «застенных областях» Китая, то есть в Китайском Туркестане, бывших Илийской (Кульджа) и Тарбагатайской (Чугучак) провинциях, а также в Маньчжурии «с подтверждением предоставленного, согласно Айгуньскому договору 1858 года, права свободного плавания по Сунгари; разрешением учредить консульства как в Монголии, так и во Внутреннем Китае»³. Позиция Министерства финансов стала основной для переговоров с китайским посланником в Ливадии, приведших к заключению 20 сентября 1879 г. торгового соглашения. Этот документ не был ратифицирован цинской стороной как противоречивший интересам Китая. По Санкт-Петербургскому договору 1881 г. Китаю возвращался находившийся под российским управлением в 1871–1881 гг. Илийский край, за исключением западной его части⁴. Среди льгот для сухопутной торговли по транзиту и торговле в пограничье договор подтверждал ст. 3 и 12 Тяньцзиньского трактата 1858 г.: «производство торговли по морской границе на правах наиболее благоприятствуемой нации»⁵. На момент ратификации договора в августе 1881 г. этот пункт носил формальный характер ввиду господства англичан на море и слабости русского торгового флота на Дальнем Востоке. Правила для сухопутной торговли по условиям договора устанавливались на 10 лет с возможностью пересмотра или продления. Пока позиции России были сильны, вопрос пересмотра документов в 1891, 1901 гг. не поднимался. После Русско-японской войны стало ясно, что Пекин хочет изменить содержание договора или отказаться от его продления. Сбор информации о положении русской коммерции в Китае продолжался в Министерстве финансов на протяжении 30 лет: обобщались материалы служебной переписки, анализировались замечания и предложения по редакции статей договора 1881 г. и правил торговли с Китаем, поступившие от Туркестанского и Иркутского генерал-губернаторов, дипломатов и консулов, представителей русских торговых кругов, общественных деятелей.

Открытие постоянного дипломатического представительства в Санкт-Петербурге ознаменовало новый этап отношений двух стран: «цинский сановник Цзэн Цицизэ, прибывший в российскую столицу в 1881 г. для подписания двустороннего договора и назначенный Чрезвычайным посланником цинского Китая при российском императорском дворе, совмещал этот пост с обязанностями посланника в Париже и Лондоне. Однако в дальнейшем его преемники уже получали

² Русско-китайские отношения. 1689–1917. Официальные документы. М., 1958. С. 26–29.

³ Справка по торговому договору России с Китаем 12 (24) февраля 1881 года // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 560. Оп. 28. Д. 1130. Л. 19.

⁴ Петербургский договор 1881 г. // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2777227 (дата обращения: 01.08.2022).

⁵ Справка по торговому договору России с Китаем 12 (24) февраля 1881 года. Л. 19 об.

назначение исключительно для выполнения своих обязанностей в России»⁶. С российской стороны документ подписали управляющий Азиатским департаментом МИД Н. К. Гирс и посланник в Китае тайный советник Е. К. Бюцов.

Далеко не всегда китайские послы занимались прямыми обязанностями. По Петербургу распространялись слухи о планах китайских дипломатов по открытию магазинов меховой торговли. Они касались старого посланника Чун Хоу, поплатившегося за согласование Илийского трактата, временного поверенного в делах Шао Юляна и нового представителя в Петербурге маркиза Цзенга. Вряд ли в этом для азиатской дипломатической практики было что-то экстраординарное, однако очевидно, что у русской читающей публики подобные публикации на страницах столичной прессы формировали не вполне позитивное отношение к китайским дипломатам.

Программа российских военно-политических и экономических действий в Дальневосточном регионе разрабатывалась в Петербурге с начала 1880-х гг. и носила долгосрочный характер. В июне — июле 1883 г. в столице «проходили заседания Особого совещания по амурским делам при Государственном совете, образованного для обсуждения военного и политического положения России на побережье Тихого океана и в приграничных с Китаем районах Приамурского края»⁷ по инициативе Александра III. Русская промышленность в то время не могла конкурировать с европейской и американской на равных, но на китайском рынке она была вполне конкурентоспособна. Стратегическое соперничество великих держав Европы, Североамериканских Штатов и Японии к концу XIX в. будет влиять и на состояние дел вдоль всей русско-китайской границы.

Со второй половины 1880 гг., опасаясь оттока капиталов и ухудшения позиций русской экспортной торговли, а также чрезмерного укрепления иностранного влияния на Дальнем Востоке России, сторонники протекционистских мер пытались ограничить порто-франко и изменить сложившуюся практику торговых отношений с Китаем в интересах промышленников европейских губерний России. Активизации внешних угроз в регионе можно было противодействовать через развитие инфраструктуры и успехи приграничной торговли. К изучению возможности постройки Транссиба приступили еще в 1872–1874 гг., «были проведены изыскания по линии возможного прохождения дороги, в 1875 г. этот вопрос впервые поступил на рассмотрение в Комитет министров»⁸. Русско-турецкая война расстроила финансовые планы правительства, поэтому техническая и финансовая подготовка к осуществлению национального проекта растянулась. В 1890-х гг. с подачи одного из известнейших китайских сановников, Ли Хунчжана, началось сближение позиций Китая и России по ряду вопросов несмотря на «существовавшие при цинском дворе и у верхушки китайской бюрократической элиты диаметрально противоположных мнений по вопросам перспективности отношений с Россией»⁹. В 1891 г.

⁶ Самойлов Н. А. Ключевые моменты истории российско-китайских отношений 1861–1901 годов: периодизация, архивные материалы и перспективы изучения // Известия ДГПУ. 2017. Т. 11, № 1. С. 3.

⁷ Там же. С. 2–3.

⁸ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. М., 2018. С. 666.

⁹ Самойлов Н. А. Ключевые моменты истории российско-китайских отношений 1861–1901 годов. С. 3.

приступили к строительству Транссиба. По данным, приводимым О. Р. Айрапетовым: «С 1860 по 1880 г. в Сибирь переселились 110 тыс. человек, с 1880 по 1892 г. — 440 тыс. человек, а с 1893 по 1899 — уже 971 тыс. человек»¹⁰. Строительство Транссиба, начавшееся в 1891 г., дало колоссальные результаты для экономического освоения пограничных с Китаем областей, пробудило интерес общества, чиновников и предпринимателей к проблемам Дальнего Востока.

К внутренним факторам влияния на общественные настроения по вопросу освоения Дальнего Востока России в историографии справедливо относят научные и военные экспедиции по изучению слабо исследованных территорий, популярность среди населения путешественников по Восточной Азии (Н. М. Пржевальского, П. П. Семенова-Тянь-Шанского), актуальность решения аграрного вопроса путем развития русской колонизации. Сложно переоценить влияние русской прессы и публицистики на оценки дальневосточных перспектив обществом и властью. В 1880-х оно могло показаться незначительным, а мнения, появившиеся на страницах центральных газет, предвзятыми, основанными на слухах. Со временем комплекс этих факторов привел к неадекватному восприятию потенциальных угроз. Формирование образа Китая и китайцев нередко отсылало к соперничеству двух держав, в том числе в торговой сфере, к жестокости противоположной стороны в отношении тех, кто продвигал интересы российской торговли. В марте 1880 г. «Новое время» писало: «Свою административную расчетливость китайцы проявляли не раз. Достаточно указать на тот факт, что когда в 1878 году Кашгар был присоединен к Китаю, то немедленно же был издан жестокий закон о предании смертной казни со всем семейством каждого, кто будет продавать русские товары или доставлять для них перевозочные средства»¹¹.

Транзитная торговля подталкивала развитие путей сообщения, в последней трети XIX в. они были преимущественно связаны с товарооборотом через города Ташкент и Верный, постепенно смещаясь на Дальний Восток, к портам Тихого океана. Юридические условия, созданные в 1881 г., будут в дальнейшем проецироваться на всю приграничную русско-китайскую торговлю, затрагивая и Дальний Восток. Одним из важнейших вопросов стало урегулирование статуса российских подданных в Китае. В течение второй половины 1870-х гг. китайские власти ущемляли права российских торговцев, «объявив своего рода “экономические санкции” до тех пор, пока не будет решен вопрос о Кульдже»¹². Переговоры 1881 г. в Петербурге увязывали с вопросами компенсации расходов по управлению Илийским краем, содержанию войск, удовлетворению имущественных претензий российских подданных. Помимо формально провозглашенной амнистии участников уйгуро-дунганского восстания¹³, подтверждались права и привилегии россиян в Западном Китае и Монголии, зафиксированные в прежних соглашениях. В целях развития двусторонней беспошлинной торговли Россия открывала консульства в городах Турфан и Сучжоу, а также «по мере развития торговли и по соглашению с кит. пра-

¹⁰ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 666.

¹¹ Ежедневное обозрение // Новое время. 1880. 17 (29) марта.

¹² Почкаев Р. Ю. Проблемы статуса российских подданных в Кульдже после ее возвращения Китаю (1881 г.) // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48, № 2. С. 129.

¹³ По мнению российских историков, около 80% уйгур, дунган и других местных жителей переселились в русское Семиречье. Подробнее см.: Самойлов Н. А. От баланса к колониализму. С. 54.

вительством» — в городах Кобдо (Ховд) и Улясутай в Западной Монголии, Хами, Урумчи и Гучэн в Китае. «Оговаривалось право сторон установить таможенный тариф. Подтверждалось право русских и китайцев плавать и торговать по рекам Амур, Сунгари и Уссури»¹⁴, что и положило начало проникновению в Маньчжурию. Российские торговцы, получившие право беспошлинной торговли, далеко не всегда могли и умели его реализовать. Цинские власти, ссылаясь на жалобы китайских торговцев, пытались урезать привилегии, «заявляя, что налогами не облагаются только товары российского производства, тогда как на китайские товары русско-подданные также должны платить налоги»¹⁵. Очевидно, что русские консульства не могли защитить интересы соотечественников в полной мере. Российская администрация и купечество, казалось, были недовольны частыми злоупотреблениями китайской стороны, однако на следующие 30 лет договор в основных чертах определял порядок двусторонней торговли.

На более позднем этапе эта проблема характерна и для Маньчжурии. В китайских городах, в которых находились российские консулы согласно ст. 14 Договора 1881 г., в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, невозможно было в полной мере выгодно реализовать права застройки или вечной аренды земельных участков русскими подданными без поддержки цинских властей. Вопросы компенсации русским подданным за утраченное или отчуждаемое имущество — сложная проблема, не получившая окончательного юридического разрешения. Впервые к ее обсуждению обратился туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман, получивший поддержку среди чинов Военного министерства, в том числе А. Н. Куропаткина, на тот момент состоявшего в должности начальника Азиатской части Главного штаба¹⁶. И в Ливадийском, и в Санкт-Петербургском договоре суммы были относительно невелики: 5 и 9 млн руб. соответственно. Вообще, определение стоимости имущества на пограничных территориях носило относительный характер. На линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), например, земли брались в субаренду у железной дороги или покупались на срок концессии, что сильно обесценивало постройки, которые, по сути, считались движимым имуществом. Кроме Харбина и ряда крупных поселков, склады и торговые площадки на территории Китая не были обеспечены русской инфраструктурой, а после утраты Россией города Дальнего в сравнении с японскими успехами в Южной Маньчжурии эти проблемы ощущались все острее.

По оценкам современного исследователя А. В. Иванова, русско-китайская торговля во второй половине XIX столетия выходила из упадка постепенно, демонстрируя неизменное преобладание ввоза на территорию России. «В 1869 г. весь оборот торговли с Китаем составлял 8,9 млн руб., тогда как в 1852 г. он достигал 16,5 млн. За это же время русский экспорт в Китай уменьшился с 8,1 млн до 3,2 млн руб. В последующие десятилетия объем русско-китайской торговли стал систематически возрастать, достигнув в 1890-х гг. 37–43 млн руб. Но почти весь прирост

¹⁴ Петербургский договор 1881 г. // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2777227 (дата обращения: 01.08.2022).

¹⁵ Почекаев Р. Ю. Проблемы статуса российских подданных в Кульдже после ее возвращения Китаю (1881 г.). С. 129.

¹⁶ Подробнее см.: Там же. С. 128.

шел за счет китайского импорта, тогда как русский экспорт вплоть до 1890 г. не превышал 3,6 млн, а в отдельные годы спускался до 1 млн руб.»¹⁷.

В декабре 1890 г. Азиатский департамент МИД разослал циркулярные письма «в адрес всех консульств в Китае, а также в некоторые военные округа на Дальнем Востоке и в Сибири» с просьбой «внести свои предложения по вопросу пересмотра и дополнения статей»¹⁸ Правил для сухопутной торговли. Особое совещание под председательством министра иностранных дел Н. К. Гирса в марте 1891 г. постановило: «Если Китайское Правительство не заявит нам в установленный срок о своем желании подвергнуть этот договор пересмотру, то нам отнюдь не следует возбуждать подобного вопроса»¹⁹. В ходе дискуссии министр финансов И. А. Вышнеградский указал на необходимость сохранить особое положение русских торговцев в Монголии и «Притяньшаньском крае», где ограничение права свободной торговли шло вразрез российским интересам²⁰. 30 апреля 1891 г. журнал совещания был одобрен императором. Генеральный консул в Кашгаре 2 октября 1891 г. рекомендовал включить в новые условия возможность привлекать с целью содействия в работе с местным населением старшин «для надзора за порядком ведения торговли и для разбора по взаимному полюбовному соглашению, с согласия консула, мелких дел между русскими подданными»²¹. Также генконсулом высказывалась идея распространения права беспошлинной торговли на местные товары и разрешения бартерного обмена²².

С 1890-х гг. дальневосточный регион стал остро нуждаться в орудиях для сельского хозяйства, речных и морских судах, промышленном оборудовании, рельсах и элементах подвижного состава для возраставших нужд железнодорожного строительства. Главным поставщиком являлись Северо-Американские Соединенные Штаты²³. Так в России проявился внешний фактор влияния на торгово-экономическое положение Дальнего Востока. Вместе с тем начало постройки Транссиба предопределило будущую ликвидацию порто-франко и ужесточение всей торговой политики на востоке страны вплоть до Первой мировой войны. По немного пессимистичной оценке И. В. Лукоянова: «Роль Сибирской магистрали как транспортного коридора между Европой и Дальним Востоком, о чем мечтал С. Ю. Витте, так никогда и не была востребована в полном объеме и, очевидно, не будет, несмотря на появляющиеся до сих пор проекты»²⁴. Интенсивное развитие хозяйственной и торговой деятельности в приграничье отражалось на экономических и политических отношениях между Россией и империей Цин. По мнению петербургского востоковеда Н. А. Самойлова, уже на этом этапе «на первый план в российской внешней политике на Дальнем Востоке постепенно выходили интересы русского капитала

¹⁷ Иванов А. В. Русско-китайская торговля во второй половине XIX века. С. 19.

¹⁸ Петухова Н. В. «Правила для сухопутной торговли» между Россией и Китаем 1881 г.: проблемы функционирования и дискуссия о пересмотре // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11, № 1. С. 21.

¹⁹ Справка по торговому договору России с Китаем 12 (24) февраля 1881 года. Л. 20.

²⁰ Там же. Л. 23.

²¹ Там же. Л. 21 об.

²² Там же. Л. 23.

²³ Подробнее см.: Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001.

²⁴ Лукоянов И. В. Сибирская железная дорога: замыслы, проекты, воплощения // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 50.

в Китае»²⁵. Длительные торгово-экономические контакты двух держав, определенная взаимозависимость подталкивали к внешнеполитическому сближению. Союз с Россией признавался наиболее безопасным для Китая. «Петербург казался слабее и вел себя менее агрессивно, чем другие европейские державы. Разумеется, в Пекине понимали, что за такое соглашение придется платить. Вопрос заключался в том, каким именно окажется размер уступок»²⁶.

Несмотря на трудности, Россия планомерно и постоянно расширяла не только военную, но и экономическую экспансию в регионе, а со второй половины 1890-х гг. перешла к активному проникновению в Маньчжурию. Эти явления нередко связывают с личными амбициями Николая II и настроением влиятельных общественных, правительственных и придворных кругов. Геополитическое состязание с британцами налагало отпечаток на планы России в отношении восточного соседа. «Петербург и Лондон соревновались между собой за право организовать займ Китаю, необходимый ему для своевременной уплаты контрибуции Японии после войны 1894–1895 годов» в 100 млн лян (свыше 140 млн руб., по оценке И. В. Лукоянова)²⁷.

Продолжая продавливать Китай на торгово-экономические уступки, летом 1897 г. С. Ю. Витте потребовал отклонения «строящейся трассы КВЖД на юг, концессии на железную дорогу к незазанному порту на Желтом море к востоку от порта Иицзы (по выбору Правления КВЖД) с правом захода туда любых кораблей под русским флагом (включая военные), свободы плавания по реке Сунгари и ее притокам и монополии России на концессии в Маньчжурии и Монголии»²⁸. Витте добивался полной отмены таможенных платежей на продукцию, предназначенную для строительства магистрали, по факту подтверждая беспошлинный ввоз почти всей номенклатуры товаров. В результате переговоров ставка обложения снизилась на треть. «Это вполне устроило министра финансов: даже такое послабление должно было «облегчить нашим товарам конкуренцию с иностранными товарами, ввозимыми в Китай морским путем»»²⁹.

Аренда территории вдоль линии КВЖД и административные нововведения на окраинах создали юридическую основу для ускоренного становления рыночных отношений в регионе. В ст. 6 конвенции об аренде указывалось: «Порт-Артур, как исключительно военный порт, будет предоставлен в пользование только русским и китайским судам. Для военных и коммерческих судов других государств он будет считаться закрытым портом»³⁰. Россия фактически увела стратегически важный японский трофей, которым интересовалась и Великобритания. «Что касается Дальнего (Дальнего), то этот порт, за исключением одной из внутренних бухт, объявлялся «открытым для иностранной торговли» и туда был предоставлен свободный

²⁵ Самойлов Н. А. От баланса к колониализму. С. 54.

²⁶ Лукоянов И. В. Миллион для Ли Хунчжана // Родина. 2009. № 1. С. 61.

²⁷ Там же. С. 62.

²⁸ Введение. Китайский Квантун под российской арендой: прецедент модернизационного колониализма? // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. док. / сост. И. В. Лукоянов, Д. Б. Павлов. М.; СПб., 2018. С. 12.

²⁹ Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2, ч. 1. М., 2004. С. 253–254. Цит. по: Лукоянов И. В. Миллион для Ли Хунчжана. С. 61.

³⁰ Русско-китайские отношения. 1689–1917. С. 79.

доступ коммерческим судам всех стран»³¹. Риски форс-мажорных обстоятельств (пожаров, ограблений, конфискаций) подрывали русскую коммерцию в Китае, поэтому подконтрольный Дальний, оставаясь порто-франко, рассматривался Министерством финансов как пункт защиты национальных интересов. Сроки уплаты таможенных пошлин за ввозимые товары признавались удобными для импортеров по сравнению с китайскими портами. «Хотя китайские морские таможи отсрочивают взимание пошлины с ввезенных товаров, но отсрочка эта ограничена определенным сроком и, кроме того, сопряжена со многими неудобствами и формальностями, крайне стеснительными для коммерсантов, как, например, обязательством складывать товары в известных общественных складах и т. д.»³². В русском городе у импортных и экспортных грузов умели сохранить «тот вид, какой требуется от них на рынках... Для сортировки, переупаковки означенных товаров и вообще для производства всех окончательных работ по их подготовке в продажу Дальний будет представлять существенные удобства», — отмечалось в одном из докладов Правления КВЖД министру финансов³³. Среди причин, влиявших на ослабление экономического положения Приамурья в первые годы XX в., современники называли строительство Китайско-Восточной железной дороги и последовавший за этим отток капиталов в Маньчжурию³⁴. С появлением Транссиба, Оренбургско-Ташкентской и Китайско-Восточной железных дорог из промышленных центров России потянулись грузы в Китай, перекраивая логистические цепочки и отчасти торговые практики, сложившиеся в XIX в. Конечно, переоценивать этот процесс не стоит. Торговая жизнь в крупных поселениях вдоль границы и железнодорожных линий находилась под жестким административным контролем, выдача торговых и иных свидетельств была, пожалуй, основным инструментом властей. В 1880–1890-х гг. экономические доводы при принятии решений о будущем развитии восточных окраин и торгово-экономических отношений с Китаем не всегда учитывались властью. Правовая защита русских подданных и местных жителей, принимавших российское подданство еще в период возвращения Китая Илийского края, ускорила работу региональных и правительственных чиновников, подтолкнула общественное обсуждение в прессе. Результатом стали как практические предложения, так и теоретические выкладки публицистов, касавшиеся внешней политики на Востоке.

Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин указывал³⁵ на необходимость заключения письменных арендных договоров между российскими и китайскими подданными на земельные угодья (пастбища, сенокосы и пр.), необходимые для прогона приобретенного скота с китайской территории на русскую, так как «не будучи оговорено в договоре, пользование это зависит вполне от произвола китайских властей», понятие неустойки отсутствует, а китайские власти можно и нужно

³¹ *Самойлов Н. А.* Ключевые моменты истории российско-китайских отношений 1861–1901 годов. С. 4.

³² Доклад Правления КВЖД министру финансов «О торговом и экономическом значении, которое может приобрести г. Дальний, и об условиях, которым надо для сего удовлетворить» // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг. С. 433.

³³ Там же.

³⁴ *Беляева Н. А.* Дискуссия о судьбе приамурского порто-франко (1901–1905) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1 (5). С. 8.

³⁵ Отношение от 11 декабря 1890 г. № 8967 // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1130. Л. 21 об.

побуждать «к выполнению заключенных по документам соглашений»³⁶. При перезаключении торгового договора было необходимо разрешить многочисленные вопросы аренды складских и торговых помещений.

Особое межведомственное совещание, образованное по высочайшему повелению 2 июня 1901 г. «для выяснения желательных изменений в договорных отношениях... с Китаем... к работе не приступило, так как министрами иностранных дел и финансов это было признано совершенно несвоевременным»³⁷. Формальная причина — в восстании «боксеров» в Китае, однако Первый департамент МИД предусмотрительно прорабатывал торговые вопросы в 1901–1902 гг.

В 1880-х гг. внешнеполитическая позиция поддерживавших «национальный курс» правых публицистов, включая М. Н. Каткова, результатом имела, в частности, и «нескрываемое недоверие царя к МИДу и дипломатам, вовлечение в международную деятельность разных сомнительных личностей и как логическое следствие — клубок интриг и потоки грязи там, где более всего была необходима четкая и согласованная работа разных звеньев государственной власти»³⁸. Газета «Новое время», рассматривавшая возможность военного столкновения с Китаем, писала в марте 1880 г.: «Кашгар бы мы заняли, а войну все-таки китайцы могли бы продолжать, имея всегда, преимущественно перед нами, ближайшие цели, хотя бы напр<имер> Уссурийский край, границы которого до сих пор еще не исправлены»³⁹. Конечная цель такого конфликта была неясна. По прогнозу издания, победить цинский Китай можно было только взятием Пекина. В августе 1900 г. будет реализован именно такой сценарий.

Александр III, а затем до столкновения с Японией и Николай II искали поддержку среди сомнительных личностей вне бюрократического аппарата. «Восточничество — декадентская философия, которая подчеркивала азиатское наследие и судьбу России, — имело мало параллелей за границей»⁴⁰. Популярность этого направления определенно подтолкнуло верховную власть к непоследовательной в целом политике в отношении Китая, а затем и Японии. Вместе с тем после Н. М. Пржевальского исследователями Дальнего Востока были ученые и государственные деятели, например Г. Е. Грум-Гржимайло⁴¹, П. Ф. Унтербергер⁴² и др. Значимость восточных областей империи для позиционирования империи в мире, своеобразное понимание цивилизаторской миссии в русской общественно-политической мысли последней четверти XIX — начала XX в. — важные факторы влияния на международные отношения России и торгово-экономическую политику ее Министерства финансов. По меткому замечанию Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе, Россия «приняла участие в общей драке за территории Срединного царства в предыдущем десятилетии, но еще десятью годами раньше российский император вернул некоторые земли династии Цин, что являлось беспрецедентным эпизодом в сложной

³⁶ Справка по торговому договору России с Китаем 12 (24) февраля 1881 года. Л. 20.

³⁷ Там же.

³⁸ *Лукоянов И. В.* М. Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 242.

³⁹ Новое время. 1880. 29 марта.

⁴⁰ *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 19.

⁴¹ *Грум-Гржимайло Г. Е.* Описание Амурской области. СПб., 1894.

⁴² *Унтербергер П. Ф.* Приморская область. 1856–1898. СПб., 1900.

истории взаимоотношений Китая с Западом в XIX в.»⁴³. При этом статус российских подданных на слабозаселенных китайских территориях устанавливался российскими властями на основании относительно недавних договоров с Китаем, на ограниченных территориях, экономически развитых слабо. Сложности возникали в связи с ведомственной борьбой в Петербурге, но «несмотря на многочисленные проблемы, нельзя не признать, что договор с империей Цин 1881 г. существенно укрепил позиции России в Западном Китае, позволив проводить более активную дипломатическую и экономическую деятельность»⁴⁴.

И. В. Лукоянов считает, что инерция царствования Александра III привела «к двум политикам Николая II на Дальнем Востоке и Русско-японской войне 1904–1905 годов. Очевидно, что неизбежная в такой ситуации двойственность лишь добавляла противоречий и провоцировала кризисы, расшатывая в целом работу государственного механизма»⁴⁵. В русско-китайском соглашении о Маньчжурии 26 марта 1902 г. имелась оговорка о том, что «постановления всех прежних договоров между Россией и Китаем, не измененные настоящим соглашением, остаются в силе»⁴⁶. Юго-восточный сосед воспринимался в России как слабая и недружественная страна. После Портсмутского мира, по распространившемуся в обществе мнению, в силу непоследовательной внешней политики двусторонние отношения настолько обострились, что не могло быть и речи «о простом только пересмотре торгового договора 1881 года, т. е. о каких-либо мало значащих изменениях или дополнениях одних только статей этого договора»⁴⁷. В Восточном Туркестане китайское правительство пыталось под разными предлогами подорвать политическое и экономическое влияние России. «Для организации округа цинское правительство командировало из Синьцзяна Си Хэня, наделив его широкими полномочиями и снабдив на первый случай внушительной суммой в 50 тыс. лян серебра»⁴⁸. В 1908 г. китайская администрация в регионе приказала казахским и урянхайским родовым правителям «разрушить постройки и выселить из их кочевий безбилетных русских купцов. Российская торговля понесла значительные убытки, кроме того, был нанесен ощутимый удар по престижу России»⁴⁹. Воспрещалось «даже сдавать внаем русским помещения, о чем в городе были вывешены объявления»⁵⁰. В западной прессе все чаще стали обращать внимание на изменения внутривосточной ситуации в Китае. В обзоре русской и иностранной печати, подготовленном редакцией сборника «Дальневосточное обозрение» в 1910 г., отмечалось: «Особого внимания со стороны европейской дипломатии заслуживает пробуждение Китая, выражающееся в деятельном стремлении к развитию сил Империи и к высвобождению из-под экономической и политической опеки чужеземцев. В переживаемом

⁴³ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. С. 30.

⁴⁴ Почекаев Р. Ю. Проблемы статуса российских подданных в Кульдже после ее возвращения Китаю (1881 г.). С. 133.

⁴⁵ Лукоянов И. В. М. Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы). С. 243.

⁴⁶ Справка по торговому договору России с Китаем 12 (24) февраля 1881 года. Л. 21.

⁴⁷ Записка Слауты // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 437. Л. 49 об.

⁴⁸ Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 248–249.

⁴⁹ Там же. С. 249–250.

⁵⁰ Там же.

ныне китайцами внутреннем перевороте есть, по словам “Figaro”, одна знаменательная черта — подъем военного духа в народе: тогда как прежде офицер и солдат признавались представителями низшей профессии и не пользовались уважением, в настоящее время этот взгляд изменился»⁵¹.

Действия Российской империи по отношению к Китаю в начале XX в. не воспринимались дружественными даже на уровне правительства, что уж говорить о традиционных критиках режима — социалистах. Как писал лидер меньшевиков Ю. О. Мартов, «для российской буржуазии открылись новые перспективы эксплуатации тех “сфер влияния” на Ближнем, а отчасти и Дальнем Востоке, которые могли достаться третьейюньской России из китайского, персидского, турецкого и австрийского “наследств”»⁵². В Китае быстро укоренилось понимание простого факта: «...иностранцы в своих действиях по отношению к Китаю приняли за правило вливать вместе с торговлей и военные задачи своей нации. Так в Китае поступает Япония во всех случаях»⁵³, — писал председателю Совета министров В. Н. Коковцову осенью 1911 г. крупный торговый служащий на КВЖД и харбинский общественный деятель З. В. Слаута⁵⁴. Записка, адресованная В. Н. Коковцову, удостоилась внимания, и хотя значительная ее часть, судя по комментариям на полях, сделанным министром и чинами канцелярии, была воспринята с известным скепсисом, часть работы, очевидно, полностью отвечала представлениям адресата о будущем и Маньчжурии, и русско-китайских торговых отношений. «В русском коммерсанте китайцы видят шпиона. В этом мы, русские, проживающие в Маньчжурии, постоянно убеждаемся»⁵⁵, — с горечью констатировал З. В. Слаута. Он красноречиво охарактеризовал отношение к русским торговцам и предпринимателям со стороны цинских властей: «По прибытии в город вас немедленно опрашивают от имени китайского чиновника, откуда вы прибыли и с какими целями... Если вы точно объяснили, откуда прибыли, с какими целями, внушаете некоторое доверие, к вам отнесутся снисходительнее, но укажут, что город не открыт для иностранной торговли, и попросят через два-три дня выехать»⁵⁶.

Русское население в Маньчжурии воспринимало уступки Китая как необходимые и естественные, и правительство должно было их добиваться. «Один из таких вопросов имеется в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, из-за которого страдает с лишним 30-тысячное русское население. Это подтверждение китайским правительством прав на вечную аренду (собственность) русскими подданными громадной площади земли на протяжении 1600 верст, застроенных ими в Северной Маньчжурии, в полосе отчуждения железной дороги»⁵⁷, — писал Слаута. В то же время на русском Дальнем Востоке в рассматриваемый период

⁵¹ Обзор повременной печати о положении дел на Дальнем Востоке // РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

⁵² Мартов Ю. О. Война и российская демократия. 1915 г. // Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А. Н. О революции и социализме. М., 2010. С. 434.

⁵³ О русско-китайских отношениях и положении в Маньчжурии. Часть II // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 437. Л. 48 об.

⁵⁴ Слаута Захарий Викентьевич (?–1919) — бывший начальник коммерческой части КВЖД. Подробнее см.: Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 6, кн. 2 / сост. Н. В. Чуваков. М., 2006. С. 23.

⁵⁵ О русско-китайских отношениях и положении в Маньчжурии. Часть II. Л. 49.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Записка Слауты. Л. 66.

неуклонно росло число переселенцев, прежде всего из Северо-Восточного Китая. По данным, приводимым Т. Н. Сорокиной, число китайских земледельцев на территории Амурского края составляло 33 % от всего числа китайских переселенцев, которое насчитывало около 15 тыс. человек⁵⁸. Несмотря на наличие льгот для крестьян и казаков, переселявшихся из европейской России (громадных земельных наделов, ссуд, посевного зерна, сельскохозяйственных орудий), корейские и китайские переселенцы, по общему признанию, вели хозяйство эффективнее казачьих и крестьянских переселенцев, что ставило под угрозу долгосрочные планы правительства по русской колонизации. В таких условиях проблема контрабанды и охраны границ постепенно обращает на себя внимание региональной русской прессы. В 1910 г. «Океанский Вестник» в сообщении из станицы Полтавской Приморской области указывал на тревожное изменение ситуации: «Когда наша граница, как со стороны Китая, так и с нашей, представляла пустыню, по границе были расположены казачьи сотни и от них шли посты, силой от 10 до 15 человек; части эти следили за границей и исполняли обязанности пограничной стражи»⁵⁹.

Администрация Приамурья и местное население были недовольны отменой порто-франко, равно как и купечество русской Маньчжурии — Харбина и полосы отчуждения КВЖД. Оно ходатайствовало о восстановлении действия ст. 939 Таможенного устава, то есть об отмене пошлины для сухопутной границы «или хотя бы для части ее до Иркутска»⁶⁰. В записке Харбинского биржевого комитета, поданной министру финансов в октябре 1908 г., говорилось «об облегчении сбыта продуктов обрабатывающей промышленности полосы отчуждения и открытии нашей границы»⁶¹, что наглядно подчеркивало противоположность торгово-экономических целей сибирской и дальневосточной администрации интересам купечества и промышленников в Маньчжурии, где действовали крупные субсидированные казной предприятия. «Подобные взаимно исключаящие притязания выдвинуты ныне предстоящим пересмотром торгового договора и требуют принципиального решения»⁶², — отмечалось в донесении И. Я. Коростовца 29 декабря 1909 г.

В отсутствие порто-франко дальневосточное издание «Океанский вестник» негодовало: «...пограничное население стонет от китайских конокрадов, а легальная торговля от контрабанды»⁶³, казачьи части «с границы убраны и наблюдение за контрабандой на протяжении 150 верст», охрана в долине реки Суйфуна возложена на 10 таможенных стражников, а с хунхузами местное казачье население борется самостоятельно. Министерство финансов, по мнению газеты, не справлялось с потоком контрабанды, на шесть конных контролеров не было ни одного стражника⁶⁴.

Для русских товаров было необходимо отменить региональные провинциальные пошлины «ли-цзинь» и установить однократную ввозную пошлину на пограничной таможене. Старшины кяхтинского купечества, торговавшие в Китае, еще

⁵⁸ Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999. С. 49.

⁵⁹ Обзор повременной печати о положении дел на Дальнем Востоке. Л. 3–4.

⁶⁰ Материалы совещания по пересмотру торгового договора с Китаем // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1130. Л. 38.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Обзор повременной печати о положении дел на Дальнем Востоке. Л. 3–4.

⁶⁴ Там же.

в июле 1902 г. просили зафиксировать «поименно и обусловить точно и ясно выдачу билетов или свидетельств китайскими властями на провоз купленных в этих местностях не оплаченных пошлиной товаров с тем, чтобы в этих билетах не указывалось название города и караула, через который будет ввезен в Россию товар, а обозначалось прямо “в пределы России”»⁶⁵. Сложности виделись только в отмене внутренней документации китайских таможен и определении курса китайского таможенного лана к рублю, устанавливаемого по соглашению с консулом на определенное время по собственной цене серебра в слитках. Харбинец З. В. Слаута писал министру финансов о необъятности китайского рынка и его перспективах в контексте постепенной европеизации. Он рекомендовал В. Н. Коковцову при продлении торгового договора согласиться на повышение пошлин Китаем «в два раза против существующей ныне для товаров, следующих вглубь страны, с 5 до 10 % от действительной стоимости товара, определяемой по сопровождающей товар торговой фактуре»⁶⁶. Китайское железнодорожное строительство в Маньчжурии не воспринималось русским населением региона как угроза, поскольку через Цицикар «товары отечественного производства впервые получили бы выход через Сибирь по железному пути прямо в Центральный Китай, не говоря уже о том, что по пути, в районе Монголии, товары могли бы задерживаться в складах, где тоже имеется нетронутый рынок»⁶⁷.

К 1911 г. представители высшей российской бюрократии понимали, что причиной ухудшения российско-китайских отношений стало «главным образом уменьшение нашего престижа после войны и одновременно подъем здесь национального духа и агрессивности к иностранцам вообще»⁶⁸. Это же отмечал в личном письме В. Н. Коковцову посланник в империи Цин и востоковед И. Я. Коростовец. По сведениям дипломата, китайцы хотели вести переговоры о продлении Договора 1881 г. уже в Пекине и неожиданно изменили решение в последний момент. Приход русских в Маньчжурию означал прямую угрозу Цинской династии и всему старому порядку управления в Китае. З. В. Слаута со ссылкой на китайскую прессу резюмировал этот факт в записке В. Н. Коковцову: «В утрате Маньчжурии китайцы ничуть не сомневаются, приписывая все свалившееся на их голову несчастья нам, русским, особенно после того, когда стало известно о последовавшем в этом году сближении между Россией и Японией на почве, по мнению китайцев, совместной агрессивной политики в Китае, чего, после не остывшей еще войны и вызванной ею естественной вражды нашей к японцам, китайцы никак не ожидали»⁶⁹.

За два десятилетия 1890–1900-х гг. «в Китае пробудилась нескрываемая к нам злоба, дошедшая до открытого отрицания китайскими властями наших прав по торговым договорам, бойкота наших товаров и враждебного отношения ко всему русскому»⁷⁰, — отмечал З. В. Слаута. Пресса различных направлений чаще писала об исключительной враждебности Китая к России и усиливающейся агрессивности китайцев по отношению к русским. Оскорбление русского китайцем до Рус-

⁶⁵ Справка по торговому договору России с Китаем 12 (24) февраля 1881 года. Л. 23 об.

⁶⁶ Записка Слауты. Л. 70.

⁶⁷ Там же. Л. 67.

⁶⁸ О русско-китайских сношениях и положении России в Маньчжурии // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 437. Л. 15.

⁶⁹ Записка Слауты. Л. 50.

⁷⁰ Там же. Л. 51.

ско-японской войны считалось фактом невысказанным, а после ее завершения подобные случаи стали повторяющимся явлением, в особенности в полосе отчуждения КВЖД. «Не проходит дня, — писалось в “Приамурской жизни”, — чтобы в русских газетах не появлялось заметки о порче китайцами полотна пути. Снимают рельсы, шпалы, гайки, даже уносят стрелки. Если хулиганов удастся (очень редко) изловить, их передают китайскому суду, что собственно равносильно тому, что утопить щуку в реке»⁷¹.

Будирование российской прессой еще с 1880-х гг. вопроса о необходимости занятия Монголии, научные и военные экспедиции, освещавшиеся в периодической печати, в течение 30 лет в понимании китайцев подвергали Монголию такой же опасности отторжения. Накануне Русско-японской войны японцы при поддержке цинских властей снарядили «торговую» экспедицию в Монголию, в задачу которой входило изучение военно-стратегической ситуации. В 1909–1911 гг. русские консульства в Улясутае и Синьцзяне стремились получить сведения о планах по колонизации и устройству военных поселений в Монголии и Урянхайском крае⁷². Кризис 1911 г. явился логичным финалом в затянувшемся политическом и экономическом конфликте, а введение русских войск, по твердому убеждению китайцев, могло стать сигналом для Японии к тому, чтобы занять Южную Маньчжурию. «Китайская пресса постаралась объяснить, что в соглашение наше с Японией вошли и виды России на Монголию»⁷³, что, по утверждению современника, «заставило Китай пойти по покато́й плоскости в деле создания тормоза нашей торговли... После ультиматума Китай отступил в своих репрессиях по отношению к русской торговле, но только на бумаге»⁷⁴. Положение дела на местах, по крайней мере в Маньчжурии, не изменилось.

В 1911 г. В. Н. Коковцов, тогда еще только министр финансов, обобщил основные проблемы в письме начальнику КВЖД генералу Хорвату: «У нас накопилось за последнее время множество пунктов несогласий с Китаем, которые нужно устранить раньше, чем идти на путь прямого сближения или союза. Укажите в этом отношении хотя бы: 1) на все еще не оконченные вопросы, вызвавшие мартовский ультиматум; 2) на вытеснение России из Монголии; 3) на сосредоточение войск к линии Китайской Восточной железной дороги; 4) на проект Цзин-чжоу-Айгуньской дороги; 5) на заем четырех государств, за исключением России»⁷⁵. Россия, по словам В. Н. Коковцова, адресованным китайскому генерал-губернатору Хэйлунцзяна, «никогда не затрагивала верховных прав Китая и желает только беспрепятственно и спокойно пользоваться тем, что обеспечено ей договорами»⁷⁶.

Министерство иностранных дел России в феврале 1911 г. ультимативно потребовало от Китая сохранить беспопышную торговлю в Синьцзяне и Монголии, а также в 50-верстной полосе вдоль границы, открыть новые консульства (в городах Кобдо, Хами и Гучене), «сохранить неизменность статуса экстерриториальности, право на покупку земель и возведение построек в китайских городах, право

⁷¹ Обзор повременной печати о положении дел на Дальнем Востоке. Л. 2–3.

⁷² Подробнее см.: Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М., 2015. С. 108–109.

⁷³ Записка Слауты. Л. 51 об.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ О русско-китайских отношениях и положении в Маньчжурии. Часть II. Л. 6.

⁷⁶ Там же. Л. 6 об.

в одностороннем порядке устанавливать на своей границе ввозные и вывозные тарифы»⁷⁷. Российская сторона оставляла за собой право применить необходимые меры в случае непризнания Китаем требований. В документах канцелярии Министерства финансов сохранилась подробная переписка с Военным министерством и чиновниками в Туркестане и Семиречье по вопросам мобилизации войск в пограничных районах как инструмента давления на цинские власти. Это последняя крупная уступка, которой удалось добиться царскому правительству от стремительно менявшегося Китая. Пресса периода думской монархии все чаще указывает на эти изменения: «...нынешний Китай не похож на Китай в русском представлении... главным образом тем, что он желает иметь большую армию... в нем пробудился национальный дух», а русский МИД продолжает «руководиться сведениями о Китае, каковые его чиновные консультанты добыли четверть века тому назад»⁷⁸. Сохранение прежней политики навязывания экономических интересов соседней державе становилось для русских властей чрезвычайно трудной задачей.

References

- Airapetov O.R. *Istoriia vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1801–1914 gg.*, vol. 3. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2018, 901 p. (In Russian)
- Beliaeva N.A. Diskussiia o sud'be priamurskogo porto-franko (1901–1905). *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2009, no. 1 (5), pp. 5–10. (In Russian)
- Garusova L.N. Rossiisko-amerikanskii regional'nye otnosheniia na Dal'nem Vostoke: istoriia i sovremenost'. Vladivostok, VGUES Publ., 2001, 178 p. (In Russian)
- Grum-Grzhimailo G.E. *Opisanie Amurskoi oblasti*. St Petersburg, Tipo-lit. S.M. Nikolaeva Publ., 1894, 640 p. (In Russian)
- Ivanov A.V. Russko-kitaiskaia torgovlia vo vtoroi polovine XIX veka. *Kraevedenie Priamur'ia*, 2015, no. 2 (30), pp. 7–25. (In Russian)
- Lukoianov I.V. M.N. Katkov i vneshniaia politika Rossiiskoi imperii v tsarstvovanie Aleksandra III (1880-e gody). *Tetradi po konservatizmu*, 2018, no. 3, pp. 232–243. (In Russian)
- Lukoianov I.V. Million dlia Li Hunchzhana. *Rodina*, 2009, no. 1, pp. 61–64. (In Russian)
- Lukoianov I.V. Sibirskaia zheleznaia doroga: zamysly, proekty, voploshcheniia. *Rossia i ATR*, 2021, no. 1, pp. 38–51. (In Russian)
- Martov Iu. O. Voina i rossiiskaia demokratiia. 1915 g. *Akselrod P.B., Martov Yu. O., Potresov A.N. O revoliutsii i sotsializme*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 430–456 (In Russian)
- Moiseev V.A. *Rossia i Kitai v Tsentral'noi Azii (vtoraia polovina XIX v. — 1917 g.)*. Barnaul, Azbuka Publ., 2003, 345 p. (In Russian)
- Myasnikov V.S. *Kastalskii kliuch kitaeveda: sochineniia*, vol. 3. Moscow, INION RAN Press, 2014, 603 p. (In Russian)
- Petukhova N.V. "Pravila dlia sukhopotnoi torgovli" mezhdu Rossiei i Kitaem 1881 g.: problemy funktsionirovaniia i diskussiia o peresmotre. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i humanitarnye nauki*, 2017, vol. 11, issue 1, pp. 20–24. (In Russian)
- Pochekaev R. Yu. Problemy statusa rossiiskikh poddannykh v Kul'dzhe posle ee vozvrashcheniia Kitaiu (1881 g.). *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 2018, vol. 48, issue 2, pp. 126–134. (In Russian)
- Samoilov N.A. Kliuchevye momenty istorii rossiisko-kitaiskikh otnoshenii 1861–1901 godov: periodizatsiia, arkhivnye materialy i perspektivy izucheniia. *Izvestiia DGPU*, 2017, vol. 11, issue 1, pp. 1–6. (In Russian)

⁷⁷ Подробнее см.: *Воронкова И. Е.* Русско-китайские отношения в начале XX века в оценке конституционных демократов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1 (35). С. 22.

⁷⁸ Речь. 1911. 18 апреля (2 мая). Цит. по: *Воронкова И. Е.* Русско-китайские отношения... С. 23.

- Schimmelpenninck van der Oye D. *Navstrechu Voskhodiashchemu solntsu. Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiiu k voine s Iaponiei*. Moscow, NLO Publ., 2009, 421 p. (In Russian)
- Sizova A. A. *Konsul'skaia sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)*. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura Publ., 2015, 295 p. (In Russian)
- Sorokina T. N. *Khoziaistvennaia deiatel'nost' kitaiskikh poddannykh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraia (konets XIX — nachalo XX vv.)*. Omsk, Omskii gosudarstvennyi universitet im. F. M. Dostoevskogo Press, 1999, 264 p. (In Russian)
- Starovoitova E. O. 1881–1905 goda v istorii rossiisko-kitaiskikh otnoshenii. *Vestnik SPbGU. Series 13*, 2012, vol. 2, pp. 10–17. (In Russian)
- Unterberger P. F. *Primorskaia oblast'. 1856–1898*. St Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma Publ., 1900, 324 p. (In Russian)
- Voronkova I. E. Russko-kitaiskie otnosheniia v nachale XX veka v otsenke konstitutsionnykh demokratov. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2010, no. 1 (35), pp. 20–25. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 3 октября 2022 г.

Рекомендована к печати 30 января 2023 г.

Received: October 3, 2022

Accepted: January 30, 2023